УДК 304.444

М. Аль-Каби

Современное осмысление подвига новомучеников как показатель духовного возрастания России

Аннотация. Статья посвящена анализу периода наиболее интенсивных гонений на Русскую Православную Церковь в советскую эпоху. Освещаются идейные установки, на которых основывались репрессии, в частности, приводятся высказывания В. Ленина и К. Маркса, использованные в качестве идеологического обоснования преследования духовенства. Представлены статистические сведения, позволяющие оценить масштаб репрессивной политики. Дается определение понятию «новомученики», раскрывается принципиальное отличие их подвига от жертвы мучеников раннехристианского периода. В ходе исследования утверждается, что жертвенное свидетельство новомучеников имело глубинное духовное значение: оно стало искупительной силой, оградившей страну от гнева небес, позволившей ей обрести победу в Великой Отечественной войне и содействовавшей восстановлению утраченного самоощущения своей значимости в рамках концепции «Москва — Третий Рим». Подвиг пострадавших за веру трактуется как семя, заложившее основание возрождения христианской жизни в постсоветской России. По мысли автора, страдания тысяч исповедников привели к символическому второму Крещению Руси — не водой, а кровью, что стало кульминацией религиозной истории XX в., ознаменованной небывалым явлением святости.

Ключевые слова: *антирелигиозные преследования, богословское значение страдания, Третий Рим, катехон, духовное наследие, второе Крещение, новомученики, святость, предназначение России*

Для цитирования: *Аль-Каби М.* Современное осмысление подвига новомучеников как показатель духовного возрастания России // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 109–117.

Сведения об авторе: Аль-Каби Мохаммед Фрайех Кубейш — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, преподаватель кафедры русского языка Багдадского университета (Российская Федерация, г. Екатеринбург). *E-mail: mkabi2011@mail.ru*

За все время существования Русской Православной Церкви наиболее масштабные и ожесточенные преследования пришлись на эпоху советской власти, особенно в начальный этап становления государственности новой формации. Несмотря на официально провозглашенную в Советском Союзе «свободу совести», означавшую на уровне законодательства возможность исповедовать любую религию, в действительности имело место системное подавление религиозной жизни. Под предлогом борьбы с контрреволюцией был

© М. Аль-Каби, 2026

запущен масштабный репрессивный механизм против духовенства и мирян. Однако подлинная мотивация заключалась не в политической безопасности, а в идеологической основе нового режима, утверждавшего безбожие как фундамент мировоззрения. Атеистическая риторика большевиков строилась на радикальном отрицании религиозного начала. Лидер революционного движения В. Ленин недвусмысленно заявлял: «Всякий боженька есть труположство... самая опасная мерзость», что ясно отражает враждебное отношение к Церкви как к институту и к религии как к явлению[1].

Стратегической задачей власти стало искоренение веры как общественного явления: репрессии затронули не только священнослужителей, но и рядовых прихожан. Места богослужения закрывались или разрушались, церковные здания переоборудовались в склады, клубы, административные учреждения. Монументальное духовное наследие оказалось под угрозой, а имущество Церкви переходило в собственность государства. Начальник VIII отдела Народного комиссариата юстиции П. А. Красиков прямо утверждал, что цель политики — отправить религию в «архив истории»[2].

Рассматривая происходившее в начале XX в. в России в свете библейской парадигмы, можно провести параллель с Вавилонской башней, ставшей в Священном Писании символом человеческого стремления к всемогуществу вне Бога и примером наказания за гордыню. Попытка большевиков создать новое общество, отвергающее Творца, тоже завершилась крахом. Причины этого следует искать не только в особенностях исторических и политических процессов, но и в духовной плоскости. Особая миссия, уготованная России в Божественном замысле, не могла быть разрушена. Страдание и мученичество тысяч исповедников веры стали своего рода искупительной жертвой, укрывшей страну от праведного гнева. Их подвиг сыграл решающую роль в духовной защите Отечества и, по мнению автора, во многом способствовал победе в Великой Отечественной войне.

В этом контексте важно осмыслить уникальную роль России в свете христианской истории. После падения Византии именно Святая Русь приняла на себя функцию духовного преемника, став

[1] *Ленин В. И.* Письмо А. М. Горькому // Его же. Полное собрание сочинений / изд. 5-е. Т. 48: Письма: ноябрь 1910 — июль 1914. М., 1970. С. 226–227.

[2] *Красиков П. А.* Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 декабря.

Третьим Римом — концепция, закрепленная на Поместном Соборе 1589 г. В рамках этой идеи Россия выполняет функцию катехона — того, кто удерживает наступление зла, согласно Второму Посланию апостола Павла к Фессалоникийцам. Эта миссия, как свидетельствует история новомучеников, продолжает реализовываться сквозь страдание и верность духовной истине.

Создание атеистического государства на территории советской России стало не только национальной катастрофой, но и духовной трагедией планетарного масштаба. Этот исторический поворот лишил мир важнейшего источника нравственной опоры, оставив человечество без духовного противовеса беззаконию и разложению. Однако именно кровавое свидетельство новомучеников стало очистительным актом, который сохранил в России живую веру, остановил духовное падение и вновь обратил страну к ее метаисторической миссии — исполнению роли Третьего Рима. Эта миссия, воплощенная в верности духовным истинам, и сегодня сохраняет свою актуальность.

Современная западная культура нередко вступает в резкое противоречие с христианскими ценностями. Ярким примером такого духовного упадка стало оскорбительное инсценирование Тайной Вечери на открытии Олимпийских игр во Франции в 2024 г. Подобные акты вызывают тревогу за судьбу стран, забывших страх Божий. Ведь, по слову Писания, «Бог поругаем не бывает». Россия же, несмотря на исторические испытания, продолжает стоять на страже традиционных нравственных устоев и проповедует ценности, укорененные в православной вере.

Кто такие новомученики, в чем значение их подвига? Этот термин обозначает христиан, принявших страдание и смерть во имя Христа в условиях репрессивной политики, направленной против Русской Православной Церкви в XX в. Процесс церковного прославления этих исповедников начался в 1989 г. с канонизации Патриарха Тихона, первого из признанных мучеников советского периода. До сего дня ведется работа по изучению архивных источников, свидетельствующих о судьбах невинно пострадавших за веру. В число новомучеников входят не только представители духовенства, но и миряне, которые, несмотря на пытки и казни, остались верны Христу.

Их духовное свидетельство сопоставимо с подвигом святых первых веков — от архидиакона Стефана до Вифлеемских младенцев. Если во времена равноапостольного князя Владимира Крещение Руси совершилось через воду, то в XX в. страна как бы прошла второе, кровавое Крещение — через страдание и жертву новомучеников. Эту мысль подтверждает древняя христианская традиция, выраженная словами апологета раннего христианства Тертуллиана: «Кровь мучеников — семя христианства». Подвиг пострадавших в эпоху гонений стал не просто свидетельством верности, но и основанием для возрождения духовной жизни в современном обществе[3].

Идея, что Церковь утверждается на крови мучеников, имеет не только символическое, но и каноническое основание — оно закреплено в 7-м правиле VII Вселенского Собора. В нем прямо говорится: фундамент Церкви Христовой — кровь свидетелей веры. Исходя из этого, можно утверждать, что сегодняшнее существование Русской Православной Церкви во многом обязано подвигу новомучеников: их жертва стала не только актом исповедания, но и живым семенем, принесшим плод в виде возрождения церковной жизни в постсоветской России.

Особого внимания заслуживает разграничение между мучениками первых христианских веков и новомучениками XX столетия. В античную эпоху христиан принуждали публично отречься от Христа, принять языческое богослужение или изменить исповедание, угрожая смертью. Новомучениками советского времени такого прямого требования, как правило, не выдвигалось. Государственные органы использовали иной подход — религиозное преследование маскировалось под политические репрессии. Причиной арестов, допросов, заключений и расстрелов называлась «контрреволюционная деятельность», а не исповедание веры. Государство заявляло о борьбе с идеологическими врагами, а не с религией, но в действительности это было лишь ширмой для целенаправленного уничтожения духовной традиции.

Идеологическая мотивация гонений прослеживается в работах большевистских лидеров задолго до революции. В 1909 г. В. Ленин,

[3] *Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан*. Апологетик. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 50 гл.

ссылаясь на К. Маркса, прямо указывал: «Религия есть опиум народа... Надо уметь бороться с религией... Эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»[4]. Эти слова отражают четкую установку: религия рассматривалась как преграда на пути к построению нового, атеистического общества. А значит, все носители религиозного сознания подлежали уничтожению как препятствие к реализации этой утопической модели.

Новомученики отличались от древних мучеников и тем, что их страдание было скрытым и почти лишенным внешнего свидетельства. В условиях тотального контроля, характерного для советской системы, аресты происходили внезапно, без общественной огласки: священников и мирян часто забирали ночью, их исчезновение не сопровождалось публичными обвинениями. Общество не знало ни обстоятельств, ни даже факта гибели многих из них. Это резко контрастирует с эпохой раннего христианства, когда суды над исповедниками проводились открыто и целью властей было не столько физическое уничтожение, сколько принуждение к отказу от веры и переходу к «разрешенной» религиозной системе.

Таким образом, подвиг новомучеников вдвойне значим: он совершался не только в условиях анонимного страдания, но и вопреки системной попытке уничтожить само присутствие веры в общественном и личном измерении. Именно благодаря этой героической стойкости православие сохранилось и было возрождено в постсоветский период.

Наивысшая точка репрессий против Русской Православной Церкви пришлась на конец 1930-х гг. Парадоксальным образом усиление гонений оказалось связано с принятием 5 декабря 1936 г. так называемой «Сталинской Конституции СССР». Формально документ закреплял избирательные права за всеми категориями граждан, включая ранее пораженные в правах сословия — духовенство и представителей «раскулаченного» крестьянства. 12 декабря 1937 г. должны были пройти первые выборы по новой Конституции. Однако руководство страны не доверяло лояльности «бывших» и, опасаясь результатов голосования,

[4] *Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии // Его же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М., 1968. Т. 17. С. 416–418.

приняло решение устранить потенциально неблагонадежные элементы. Именно в этом контексте началась кампания, вошедшая в историю как «Большой террор»[5].

30 июля 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов подписал приказ о начале операции по устранению так называемых антисоветских элементов, включая бывших кулаков, уголовников и иных лиц, подозреваемых в нелояльности. Планом предусматривалось проведение массовых арестов и расправ, вплоть до расстрелов, в кратчайшие сроки — в течение четырех месяцев, то есть до даты выборов.

Эта репрессивная волна нанесла Церкви почти смертельный удар: к концу 1930-х гг. церковная структура на территории СССР была практически уничтожена. Однако жертвенный подвиг новомучеников, как свидетельствует церковная традиция, стал условием духовного возрождения. Церковь восстала из пепла, словно Феникс, дав начало новому этапу своей истории.

Историк А. А. Бовкало приводит красноречивые данные о масштабах трагедии. В 1937 г. в списке духовенства, находившегося в юрисдикции митр. Ленинградского Алексия (Симанского), числились 1 262 человека. Судьба 885 из них установлена: 758 (86 %[6]) были расстреляны. Причем речь идет исключительно о священнослужителях, находящихся на приходах, — судьба тех, кто был в ссылках и лагерях, остается предметом архивных исследований. По предположениям исследователя, уровень репрессий в других епархиях был сопоставим с ленинградским.

По отчетам НКВД, только в 1937 г. были арестованы 33 382 представителя духовенства, из них 44 % приговорены к расстрелу. В 1938 г. арестовано 13 438 человек, а смертный приговор получили уже 59 %[7]. В 1990-е гг. правительственная Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий под председательством А. Н. Яковлева обнародовала обобщенные сведения: за годы

[5] *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953). М., 2011. С. 461, 465.

[6] *Бовкало А. А.* Список духовенства митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) 1937 г. // XXI Ежегодн. богосл. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 1. С. 405.

[7] *Мозохин О. Б.* Право на репрессии... С. 461, 465.

«Большого террора» было арестовано свыше 160 000 церковнослужителей, более 100 000 из них были расстреляны[8].

Мученической смертью завершилась земная жизнь и Царской семьи, ставшей символом православной монархии и духовной преемственности.

Подвиг новомучеников не ограничивается страданием — он носит искупительный характер. Их добровольная жертва стала духовным актом, который, по церковному осмыслению, оправдал Россию перед Богом и смягчил последствия ее исторического отступления от веры. Благодаря этому страданию возвращение к церковной жизни в конце XX в. стало возможным без широкомасштабных потрясений. Именно поэтому данный период в истории называют эпохой Второго Крещения Руси — уже не водного, а кровавого, освященного страданием тысяч исповедников.

На первый взгляд могло показаться, что большевистская власть достигла своей цели, почти полностью уничтожив Церковь как институцию. Однако разрушения касались лишь внешней, материальной стороны — храмов, монастырей, иерархии, имущества. Духовное же основание православия не только сохранилось, но и укрепилось через страдание. Гонения, которым подверглись верующие, стали путем спасения и обретения вечной жизни, что с христианской точки зрения придает смысл любому страданию, принесенному во имя Христа. Святейший Патриарх Тихон рассматривал начинавшиеся гонения на Церковь как проявление особой благодати Божией, напоминая слова из Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда вас будут поносить и гнать и всячески злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь» (Мф 5. 11)[9].

Даже в разгар репрессий, когда власть стремилась изгнать религию из общественного сознания, реальные данные свидетельствуют об обратном. В ходе Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1937 г., 57 % неграмотных и 36 % грамотных граждан

[8] *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. // Богословский сборник. 1999. Вып. 3. С. 264 (по данным на январь 1999 г.).

[9] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / *сост. М. Е. Губонин.* М., 1994. С. 160.

идентифицировали себя как православные[10]. Эти цифры ясно показывают, что духовное ядро нации не было уничтожено — вера продолжала жить в народе, несмотря на официальный атеизм и угрозу репрессий.

Примечательно, что именно те десятилетия, которые вошли в историю как самые трагические для Русской Православной Церкви, в то же время стали периодом ее духовного торжества. Подвиг новомучеников не только не ослабил Церковь, но возвел ее на высоту святого свидетельства, небывалую по историческим масштабам. Количество святых, прославленных в XX в., превзошло все предыдущие периоды истории Русской Церкви. В октябре 1989 г. первым из новопрославленных был Святейший Патриарх Тихон, признанный предстоятелем и символом исповедничества церковного народа. С 1989 по 2011 гг. к лику святых были причислены 1 866 человек, среди которых 1 776 — новомученики и исповедники[11]. Таким образом, приблизительно 90 % всех русских святых Новейшего времени — те, кто прошел путь страдания в эпоху террора.

Заключением кровавой истории XX в. в России стала не духовная катастрофа, а явление святости: ответ, который Русская Православная Церковь дала богоборчеству — не насилием, а верой, не сопротивлением злу силой, а жертвой любви. И именно святость, рожденная в горниле страданий, стала силой, которая в конечном счете оказалась сильнее идеологического безумия.

Источники и литература

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / *сост. М. Е. Губонин*. М., 1994.

Бовкало А. А. Список духовенства митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) 1937 г. // XXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 1. С. 403–406. EDN TNVIWL

[10] Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. док-ов и мат-лов / *сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков*. М., 2007. С. 16, 118–119.

[11] Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 г. // Русская Православная Церковь: официальный сайт. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/427101.html (дата обращения: 10.10.2025).

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов / *сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков*. М., 2007.

Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. // Богословский сборник. 1999. Вып. 3. С. 258–274.

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан. Апологетик. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2005.

Красиков П. А. Кому это выгодно // Известия ВЦИК. 1919. 14 дек.

Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Его же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М., 1968. Т. 17. С. 415–426.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому // Его же. Полное собрание сочинений / изд. 5-е. Т. 48: Письма ноябрь 1910 — июль 1914. М., 1970. С. 226–229.

Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953). М., 2011.

Mohammed Al-Kaabi

Modern Understanding of the Feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church as an Indicator of Russia's Spiritual Age

Abstract. This report analyzes the period of the most intense persecution of the Russian Orthodox Church during the Soviet era. It elucidates the ideological principles underlying the repressions, citing, in particular, the statements by Lenin and Marx used as ideological justification for the persecution of the clergy. To assess the scale of the repressive policies statistical data is presented. The term "new martyrs" is defined, revealing the fundamental difference between their sacrifice and that of the martyrs of the early Christian period. The study argues that the sacrificial testimony of the new martyrs had profound spiritual significance: it became a redemptive force, protecting the country from the wrath of Heaven, enabling it to achieve victory in the Great Patriotic War, and contributing to the restoration of its lost identity as the Third Rome. The sacrifice of these martyrs is interpreted as the seed that laid the foundation for the revival of Christian life in post-Soviet Russia. The author believes that the suffering of thousands of confessors has led to the symbolic Second Baptism of Rus' — not through water, but through blood — which became the culmination of the religious history of the 20th century, marked by an unprecedented phenomenon of holiness.

Keywords: *Antireligious persecution, theological significance of suffering, Third Rome, katechon, spiritual heritage, Second Baptism, new martyrs, holiness, destiny of Russia*

For citation: Al-Kaabi M. Modern Understanding of the Feat of the New Martyrs of the Russian Orthodox Church as an Indicator of Russia's Spiritual Age. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 109–117. (In Russ.)

About the author: Al-Kaabi, Mohammed Frayyen Kobaish — Postgraduate student at the B. N. Yeltsin Ural Federal University (Department of Russian and Foreign Literature), Lecturer at Baghdad University (Department of Russian Language) (Russian Federation, Ekaterinburg). *E-mail: mkabi2011@mail.ru*